

УДК 159.9

**ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

© 2010 г.

Т.В. Карнова

Волжский государственный инженерно-педагогический университет

Tatkar25@mail.ru

Поступила в редакцию 08.09.2009

Рассматриваются основные тенденции современных государственно-конфессиональных отношений в связи с условиями развития всего российского общества. Выделены объективные и субъективные условия развития указанных отношений. Особое внимание уделено кризисному состоянию общества, негативной диалектике его развития, а также социальным технологиям, их значению для государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, социальные отношения, социальная технология, негативная диалектика.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века произошла смена модели политического и социально-экономического развития России. Это время столкновения нескольких противоречащих друг другу мировоззренческих систем: *социализма* с идеалами равенства, социальной справедливости и планового социального строя, *либеральной демократии*, являющейся продолжением философии Просвещения, провозгласившей свободу и личность как высшую ценность и рассматривающей богатство как средство достижения счастья, и *религиозных традиций* (в основном христианских) с идеалами любви, всеобщего братства, взаимопомощи и т.д. Еще в середине XX столетия К. Мангейм считал главной проблемой современного динамичного общества кризис оценок, связанный именно со столкновением противоречащих друг другу мировоззренческих систем [1, с. 423]. В конце века такой кризис захлестнул и нашу страну: относительно традиционное, стабильное общество стало превращаться в динамическое, массовое.

Вообще кризис – это переход. Болезненный переход от старой системы к новой. Но к какой именно? По словам Х. Ортеги-и-Гассета кризис «требует двух болезненных действий: первое – отрыв от вскормившего нас лона, и второе – подготовки ума к освоению нового мира, выработка иной жизненной перспективы с тем, чтобы видеть другое и опираться отныне на него» [2, с. 285]. Рассмотрим государственно-конфессиональные отношения как выражение господствующих в современном российском обществе социальных отношений.

Кризис конца 1980–1990-х годов в сфере государственно-конфессиональных отношений выразился в их переходе в свою противоположность – от политики запрещения государство перешло к тотальному разрешению и всемерному содействию, от одной господствующей идеологии к плюрализму мнений. То есть процесс общественного развития потребовал преодоления старых отношений через их противоположность. Однако и эту противоположность социальному организму нашей страны следует преодолеть, поняв ситуацию на новом уровне, и, сформировав новое мировоззрение, по-новому развивать социальные отношения.

Уже к середине 1990-х годов российское государство стало сталкиваться с негативными последствиями вседозволенности в области религии, выразившимися в новых для нашей страны правонарушениях против имущества и здоровья граждан. Зазвучали лозунги в защиту «духовной безопасности» страны, призывы к противодействию «деструктивным сектам» и т.п. В 1997 году изменился закон, регулирующий государственно-конфессиональные отношения. В новом законе больший упор был сделан на больший контроль, регистрацию религиозных организаций, а также появилась новация в виде возможности запрета религиозной организации. К концу 1990-х годов государство сформировало новые отношения с религиозными организациями, названные исследователями «партнерством особого рода» [3], или «кооперационной» моделью государственно-конфессиональных отношений. Эти отношения заключаются в формальном отделении государства от церкви, однако государство признает преиму-

пественное положение определенной церкви (в нашем случае РПЦ) и сотрудничает по ряду значимых вопросов именно с ней. Это сотрудничество выливается в политическую поддержку для власти и административную, правовую и экономическую для религиозного объединения. Кроме того, если раньше государство делало акцент на религиозную группу (горизонтальный тип), то теперь на религиозную организацию вертикального типа (имеющую развитую иерархию).

Здесь мы оговоримся, что государство и церковь всегда охотно сотрудничали в политической сфере, однако каждый из отмеченных этапов такого «сотрудничества» имел собственные особенности. В начале 90-х годов, во время дезинтеграции, религиозные лидеры поддерживали разных политических лидеров. Даже в лоне РПЦ МП существовали различные группировки, связанные с многочисленными конкурирующими партиями. В целом же РПЦ поддержала Б.Н. Ельцина, который остро нуждался в легитимации своей власти. Следующий президент, В.В. Путин, не нуждался в легитимации в такой степени, однако политическая поддержка РПЦ МП (чеченская кампания, гибель подводной лодки «Курск» и пр.), ее авторитетосвящение (сакрализация) явно помогают ему преодолевать все демократические процедуры.

РПЦ МП преодолела внутреннюю разобщенность, выстроила свою четкую вертикаль власти (иерархию) и управление епархиями на всей территории страны, что способствовало доверию со стороны власти и еще более тесному сотрудничеству, тем более что другим религиозным объединениям этого сделать в том же объеме не удалось. Вышеперечисленные преимущества, а также история нашей страны, максимальное количество верующих среди прочих религиозных объединений сделали РПЦ МП «духовным олигархом». Но не только: беспрецедентное количество материальных ценностей, зданий, сооружений и земель, переданных ей государством, позволили ей претендовать как на формирование государственной идеологии (национальной идеи), так и на особый юридический и экономический статус (требование признать «традиционным» религиозным объединением, корпорацией публичного права, предоставления налоговых льгот, субсидий от государства, отсрочки от армии для священнослужителей и пр.). Прочие т.н. «традиционные» религиозные объединения (по два объединения у мусульман, иудаистов и Буддистская Традиционная Сангха) также имеют особый статус, но пользуются преимуществом в основном

только в своих исторических регионах, на федеральном уровне – в определенной пропорции с РПЦ МП. Заметим, что создание этих «олигархов» (за счет основного населения страны) очень характерно для социальной политики нашего государства с 90-х годов XX века.

В отличие от 1990-х годов, когда социальные связи быстрыми темпами разрушались, в XXI веке федеральные власти страны стали поддерживать и развивать традиционные связи на основе конфессиональной принадлежности и, соответственно, нескольких крупнейших религиозных объединений, самым влиятельным из которых стало РПЦ МП. И если в 1990-е годы религиозная принадлежность более способствовала дезинтеграции (формирование устойчивых связей на основе религиозной принадлежности, особенно в мусульманских регионах, способствовало возникновению сепаратизма), то теперь, напротив, лидеры крупнейших конфессий вместе с властями, в том числе и региональными, делают все, чтобы подчеркнуть единство нашей страны. Однако нынешняя ситуация вновь демонстрирует нам перегиб в виде формирования государственной идеологии, запрещенной согласно ст. 13 Конституции РФ и отвергаемой на официальном уровне высшим руководством страны.

Сущность национальной идеи (идеологии) и стратегии развития общественных отношений достаточно четко сформулирована, например, в статье И.Б. Чубайса и является новой редакцией старой формулы «православие, самодержавие, народность». Он отмечает «три глубинных характеристики российскости», задающие «три ее направления – духовность (в традиционной форме православия), государственную стратегию (собрание земель и охранение собранного) и социально-экономическую ментальность (ориентацию на общинный коллективизм)» [4, с. 31]. Заметим, что такая стратегия носит явно ущербный характер и является шагом назад в развитии общества. В условиях все усложняющейся социальной действительности возвращение к старым институтам и отношениям в том же виде невозможно, следовательно, и старые формулы должны быть серьезно переосмыслены. Для этого требуется коллективная работа и немалое время для переосмысления традиции, реинтерпретации оценок, присущих сталкивающимся мировоззренческим системам на разных уровнях (индивидуальном, групповом и общем) и выработка новой стратегии на более высоком уровне.

Формирование единой «православной» идеологии несомненно имеет свои особенности,

способствуя возникновению единого национального сознания. Однако агрессивное навязывание религиозной идеологии обедняет возможности мировоззренческого многообразия и, следовательно, эффективной коррекции направления развития общества. Конфессиональная основа идеологии открывает широкие возможности для развития национальной и религиозной нетерпимости и экстремизма, наконец, нарушает права большого количества неверующих граждан нашей многонациональной и многоконфессиональной страны.

Принимая мысль о том, что существуют некие закономерности общественного развития, мы можем выявить их основные объективные и субъективные факторы. Объективными факторами для нашей страны являются: глобализация (интеграция), секуляризация, массовизация общества, НТР. Субъективными факторами являются изменчивые идеология и организация (структура, форма, методы власти и пр.). Следуя этой логике, дальнейшее развитие государственно-конфессиональных отношений в стране должно отражать объективные закономерности, т.е. оно выразится в направлении на дальнейшее совершенствование процесса секуляризации, глобализации и массовизации общества, однако субъективные факторы могут значительно повлиять на развитие. Формирование господствующей религиозной идеологии в нашей стране отражает, с одной стороны, объективную тенденцию к интеграции общества, объединения хаотизированной толпы, с другой – выражает обратную тенденцию к регионализации (в мировом масштабе), т.е. раскрывает обществу очевидную причину, почему мы отличаемся от других наций. Очевидно, что сотрудничество церкви с властью будет иметь место, однако оно еще будет корректироваться.

Происходит фактическое разделение религиозных организаций на «традиционные», «нетрадиционные» конфессии. «Нетрадиционные» при этом также делятся на «терпимые» и «гонимые» (или «секты»). Это свидетельствует о формировании в нашем обществе довольно устойчивой иерархии, т.е. отхода от идеи равенства и плюрализма.

«Традиционные», формально признавая принцип свободы совести и возможность существования «нетрадиционных», не видят необходимости не только в их существовании, но и в диалоге с ними. Они же фактически инспирируют борьбу с так называемыми «сектами». И эта борьба не носит характер свободной конкуренции, как это было в начале 1990-х годов, а скорее напоминает методы монополистов. Поч-

ти все «нетрадиционные» конфессии внесены в список «опасных тоталитарных сект» или просто «сект, угрожающих духовному здоровью нации» и не имеют шансов повысить свой уровень до «традиционных». В более широком виде это просматривается в формировании устойчивых социальных слоев: менее 1% сверхбогатых граждан, небольшой прослойки «среднего класса», огромного слоя социальных низов, а также прослойки маргиналов. При этом вертикальная социальная мобильность в настоящее время все более затрудняется и начинается формирование внутренней идеологии каждого из слоев. Кроме того, в последние годы «традиционные» религиозные объединения постоянно расширяют свои функции, участвуя в образовании (оно играет важнейшую роль в формировании мировоззрения будущих поколений), во внутренних и внешних государственных делах, включая урегулирование межнациональных конфликтов, в статусных мероприятиях и т.д. Это говорит об общей тенденции нашего государства, заключающейся в том, что все равны перед законом, но все же есть те, кто «равнее других».

С одной стороны, реализация религиозной организацией присущих ей функций способствует сохранению традиции, культурного единства, стабилизации общественных отношений, решает проблему кризиса идентичности, характерного для любого динамичного общества, с другой – она таит в себе опасности религиозной нетерпимости, экстремизма, догматизма, «сектофобии». Также и приоритетное сотрудничество государства с какой бы то ни было влиятельной религиозной организацией имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Их сотрудничество и посредничество СМИ позволяет эффективнее управлять обществом, создавая необходимые идеи, меняя максимально выгодным для себя способом т.н. «дух времени» [2, с. 258], коллективное и индивидуальное мировоззрения людей и, соответственно, социальную политику государства.

Вопрос состоит в том, в чьих интересах осуществляется эта политика, ведь все население страны начинает жить в реальности, созданной на основе этих, предложенных и внедренных в коллективное сознание идей. Получается, что не спрос определяет предложение, а наоборот – предложение определяет спрос. Как заметил Х. Ортега-и-Гассет, мы не просто учимся духу времени, живем в нем, даже если не приемлем его, но он составляет большую часть нашего мира, наших верований, он «коренится в коллективном их наборе, совпадает с коллек-

тивными верованиями» [2, с. 258]. Таким образом, даже если кто-то выступает против некоторых господствующих идей, он все равно детерминирован «духом времени» и участвует в формировании нового коллективного мировоззрения и новой культуры.

А.А. Зиновьев считал, что общественная реальность создается не теоретиками, а историческим творчеством масс, которыми манипулируют группы людей, прикрывающиеся в своей манипуляции определенными идеями (идеологией) [5, с. 15]. Получается, что за содержание внедряемых идей, а следовательно, и за направление общественных изменений отвечает не все общество, а небольшая группа людей, составляющая правящую элиту государства, обеспечивающая всей мощью государственной машины продвижение своих идей для наиболее эффективного управления обществом. И хотя понятия «государство» и «общество» нельзя противопоставлять, поскольку они составляют диалектическое единство сверхсложного социального организма, в данном случае их следует различать, т.к. они имеют различные цели, задачи и способы действия. Если цели и задачи отдельных членов общества заключаются в достижении материального или духовного благополучия, то групповой целью правящей элиты является максимальный контроль над обществом, сохранение собственной власти. Для этого применяются веками проверенные методы управления: наказание, принуждение, поощрение и вновь разработанные методы, названные «социальной технологией».

Следует отметить, что применение категорий традиционной диалектики для описания развития современного общества себя не оправдывает в той степени, в какой оправдывает себя негативная диалектика, предложенная Т. Адорно и М. Хоркхаймером. Их диалектика выражает не логику целостности, а логику распада, саморазрушения. То есть развитие происходит не путем прогресса, когда решаются возникающие проблемы и противоречия, а путем регресса, когда противоречия не разрешаются, а снимаются возникающими новыми, еще более трудноразрешимыми противоречиями. Именно ей наилучшим образом объясняются процессы, происходящие в России и мире. Соответственно и государство, будучи социальным организмом, качественно развиваясь, лишь усугубляет свою противоречивую природу.

Рациональность и «расколдовывание мира» Просвещением оборачиваются в конечном итоге тем, что наносят удар по самому человеческому мышлению; борясь с мифами, они сами

порождают мифы (в том числе и в форме идеологии, являющейся орудием в руках господствующего). Такое парадоксальное явление, как вера, по словам Т. Адорно и М. Хоркхаймера, «вырождается, в конечном итоге, в мошенничество, в миф двадцатого столетия» [6, с. 35]. В связи с этим хотелось бы вспомнить вывод, сделанный известным социологом В.И. Гараджей: «говорить о «религиозном возрождении» в постсоветский период как феномене духовной жизни общества, как характеристике массового сознания преждевременно. В действительности имеет место возрождение религиозных институтов...» [7, с. 328]. Иррациональность религии, совмещенная с «социальной технологией» превращается в рациональный инструмент не верящих ни в какую объективную необходимость и разыгрывающих из себя «инженеров всемирной истории» правителей. При этом «насилие системы над людьми возрастает с каждым шагом, освобождающим их от природного насилия» [6, с. 56].

К. Мангейм под «социальной технологией» понимал «совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих в руках правительства сильным средством социального контроля» [1, с. 414]. Он также отмечает характерную особенность этих усовершенствованных социальных методов, заключающуюся в том, что эта эффективность благоприятствует именно правлению меньшинства, а не большинства, как предполагает демократическое государственное устройство. С помощью социальных технологий меньшинству удается контролировать и направлять сознание, а следовательно, и деятельность большинства населения. Д.В. Пивоваров считает, что религия во многом аналогична идеологии, так как обе они тоталитарны в отношении вопросов истины и поведения, и хотя он считает, что «религия может формировать представления о справедливом обществе, но обычно неспособна самостоятельно проектировать практическую политическую программу» [8, с. 209], он все же отмечает, что «явные идеологические элементы присущи... некоторым современным религиозным движениям» [8, с. 209]. Религии тысячелетиями давали основополагающие идеи для социального строительства и во многом именно церковь, выступая опорой или оппонентом светской власти, способствовала разработке и развитию социальных технологий.

Также и в настоящее время «православный» дух времени выражается не только в поддержке власти (несмотря на официально провозглашенный в православной социальной доктрине

[9] нейтралитет к власти), но и в оппозиционных и параллельных к ней движениях. Так, особую роль православия теперь признают не только неоевразийцы, но и коммунисты. Далее идут авторы «Проекта «Россия» [10], вслед за С.Г. Кара-Мурзой [11], обвиняющие некие силы Запада и верхушку советской номенклатуры позднего застоя в заговоре и применении против народа Советского Союза и, следовательно, России социальной технологии для изменения политического и социального устройства с целью извлечения собственных выгод. Они предлагают не только защищаться от подобных технологий, открывая на них глаза людям, но пытаются противопоставить им свою технологию социального преобразования, основанную на клерикальной идее создания «традиционного русского духовного сознания» и построения «Православного царства».

Не вдаваясь в подробный анализ этой достаточно спорной книги, согласимся с тезисом о том, что социальные технологии манипулирования сознанием масс людей действительно приобрели большое значение в сегодняшней жизни. Многие философы, социологи и политологи считают, что «объективные» социальные законы не имеют особого влияния, для анализа развития современного общества гораздо важнее уделить внимание неравновесным состояниям социальной среды и субъективным, случайным условиям ее изменения. Социальные технологии как методы власти являются субъективным, но определяющим условием. Если же определить ситуацию в духе негативной диалектики, то можно сказать, что прогресс господства привел к ситуации, когда власть вещей научила обходиться без власти как таковой. То есть социальная технология только лишь кажется орудием власти и субъективным фактором, на самом же деле она является объективным продолжением эволюции господства, когда насилие правителя над подданными как таковое заменяется насилием системы над людьми в форме иллюзии выбора.

Сформировавшаяся система разделения труда не дает человеку иного выхода как тем или иным способом подстраиваться под систему, в противном случае человек лишается средств к существованию и, следовательно, самой жизни. Правители при этом сами оказываются включенными в систему, господствующую и над ними в том числе. Правители меняются, система остается. А манипуляции с общественным сознанием, осуществляемые правителями проводятся не по их желанию (это может только так

казаться), а благодаря и во благо все той же самой системе, подчинившей все человечество.

Любая манипуляция сознанием требует подстройки к аудитории, создания необходимого пространства, или социокультурной среды. Кризисное состояние – хороший фон для манипуляции. Начиная с середины 1980-х годов наша страна живет в состоянии перманентного кризиса. Сначала социального, затем политического, внутреннего экономического и теперь мирового экономического кризиса. Кризисные явления не снимаются и в мировоззрении людей. Слом социальных связей привел наше общество в достаточно хаотичное состояние, а уже упоминавшийся кризис оценок (мировоззренческий) усиливает хаос и превращает общество из традиционного в массовое, податливое для манипуляции. Любая религиозная доктрина вносит в сознание человека иррациональный компонент. Религиозное разнообразие начала 1990-х годов, православная идеология, а также оккультизм, мистика и паранаука, льющиеся с экранов телевизоров, внесли свою лепту в создание «мозаичной культуры» [11, с. 82] и хаотичного рационально-иррационального, нелогичного мышления людей. Именно такое сознание хорошая база для применения социальных технологий (или эффективного управления), манипулирования при помощи воздействия на чувства людей, а также техники заражения, внушения, подражания [12, с. 115, 120–121] и т.п. Таким людям легче навязать мнения, желания и модели поведения. Массы людей фактически лишаются возможности самостоятельного определения своего поведения, действий, жизненного пути в целом, а в конечном итоге и возможности что-то изменить, найти выход из обстоятельств, предлагаемых общемировой системой.

Создание современного социокультурного фона происходит при активном участии крупнейших участников государственно-конфессиональных отношений – «традиционных» религиозных объединений. Они участвуют не только в политике, культуре, но уже и в образовании. В настоящее время происходит формирование на либерально-демократической и отчасти исторической православной основе новой вторичной и третичной мифологии, призванной формировать мировоззрение людей. В числе таких мифов можно назвать канонизацию последней царской семьи Романовых, создание нового образа В.И. Ленина – предателя России, празднование Дня народного единства и пр.

При помощи таких мифов:

– создается представление о том, что царский период был чуть ли не «золотым веком» русской истории, самодержавие, государственная церковь и сословное деление – наиболее подходящими для русских;

– отвергается сама возможность правильности основных идеологических посылок строительства коммунистического общества и внедряется мысль о преимуществе современного государственного строя;

– легитимизируются развал СССР и весь ныне существующий государственный строй.

Подведем итоги. Государственно-конфессиональные отношения являются важнейшим, неотъемлемым компонентом общественных отношений. Эти отношения, с одной стороны, сами зависят от экономического, политического строя, они детерминированы господствующими социальными отношениями, имеют все их основные характерные черты. Но, с другой стороны, государственно-конфессиональные отношения сами являются мощным инструментом влияния на социальные отношения в целом. Это объясняется тем, что власть при помощи религии имеет возможность влиять как на ценностный, так и на познавательный аспекты социальных отношений. Взаимосвязь религии и идеологии позволяет влиять на общественное сознание и психологию, поскольку религия замещает рациональные идеологические моменты иррациональными, делая удобными для манипуляции. Власть так же как и в царские, и в советские времена использует государственную идеологию, идею примата государства и его целей над личностью, а также сакрализацию властных отношений, характерных для обществ восточного типа [12, с. 120].

В государственно-конфессиональных отношениях на федеральном уровне царит цивилизационный подход, на региональном – этноцентристский. Крупнейшие субъекты государственно-конфессиональных отношений – государство и РПЦ МП успешно договорились о сферах своих действий. Их «сотрудничество» направлено на увеличение влияния друг друга вплоть до монополизации как власти, так и мировоззренческой сферы. Именно поэтому, несмотря на перманентный кризис, низкий уровень жизни основной части населения России, крушение идеалов и социалистического, и гражданского, и даже православного общества, россияне по-прежнему демонстрируют высокий уровень доверия власти. То, что население не восприимчиво к реальным условиям жизни, но откликается на государственную риторику, го-

ворит об успешной манипуляции сознанием людей в огромных масштабах и установлении «вертикали власти». Однако государственно-конфессиональные отношения не ограничиваются только государством и РПЦ МП и даже другими «традиционными» религиозными объединениями, которые также близки к согласию с властью. Остается еще множество других заинтересованных субъектов, например, ущемленных в правах т.н. «нетрадиционных» религиозных организаций или, что еще важнее, российское общество в целом, интересы которого должно выражать государство (и государственно-конфессиональные отношения в том числе), а не манипулировать им по своему желанию.

Любая организационная структура создается для решения конкретных общих задач, однако она должна решать и еще ряд задач для поддержания своего собственного существования. Однако при этом она не должна превращаться из средства в самоцель. На практике же мы видим, что государственная власть уже давно стала самоцелью, а манипуляция сознанием граждан лишнее тому подтверждение. Религиозные институты (при удачном стечении обстоятельств) из общин верующих превращаются в иерархические структуры, существующие отдельно от немногочисленных верующих, срастаются с властью и пытаются активно влиять на людей, идентифицирующих себя с данной конфессией. Все перечисленные процессы в государственно-конфессиональных отношениях лишней раз подтверждают негативный характер диалектики общественного развития в нашей стране и в мире в целом, поскольку процессы, происходящие у нас, являются лишь одним из вариантов всеобщего развития.

Список литературы

1. Мангейм К. Диагноз нашего времени. - [Электронный ресурс] Режим доступа: www.book.mirx.ru/dl_info.asp?id=65384
2. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галиллея // Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М., 1997.
3. Морозова Л.А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. 1995. № 3.
4. Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ (заметки консерватора) // Вопросы философии. 2002. № 10.
5. Разин А.В. Перспективы общественного развития в свете логической социологии А.А. Зиновьева // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. М., 2008. № 5.

6. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения // Философские фрагменты. М., СПб., 1997. С.16–60.
7. Гараджа В.И. Динамика религиозности в России в XX – начале XXI в. // Социология религии. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005.
8. Пивоваров Д.В. Философия религии. М., Екатеринбург, 2006.
9. Основы социальной концепции Русской Православной церкви. [Электронный ресурс] Режим доступа: [www.http://www.russian-orthodox-church.org.ru](http://www.russian-orthodox-church.org.ru).
10. Проект «Россия» Ч. 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.projectrussia2.ru.
11. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
12. Романенко Л.М. Социально-политические технологии разрешения конфликтов гражданского общества: экзистенциальные альтернативы современной России. Дис... докт. политич. наук: 23.00.04. МГУ. М., 1999.

STATE-CONFESSION RELATIONSHIP US A REFLECTION OF REORGANIZATION OF SOCIAL RELATIONS OF RUSSIAN SOCIETY

T. V. Karpova

This article examines the main tendencies of modern state-confession relationship in close connection with conditions of development of all Russian society. The author points out objective and subjective conditions of development of this relationship. Special attention pays to the crises state of society, negative dialectic of it's development, to social technologies and it's importance for state-confession relationship.

Keywords: State-confession relationship, social relation, social technology, negative dialectic.